

Евгений Кулькин

МАНИЯ

Трилогия

Книга третья

**МАСТЬ,
ИЛИ
КАТОРЖНЫЙ
ГИМН**

Винегрэд
2017

Всякая власть чувствует, что она существует только благодаря невежеству народа, и потому инстинктивно и верно боится просвещения и ненавидит его.

Лев Толстой

Демонология — явление постоянное, не зависящее от формаций и уровня цивилизации.

Лев Гумилев

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Борис Николаевич никогда не думал, что так сладко унижать. Сперва целую партию, когда он позволил себе на трибуне подписать Указ о запрете КПСС. Потом когда уже перебрался в Кремль и стал там вести себя как слон в посудной лавке.

И, как бес-искуситель, унырливый Бурбулис все время подтыривал Ельцина под то самое «бешеное ребро», которое заведует манией, стараясь во всем, что только возможно, переиграть и, естественно, унижить Горбачева.

Чего стоила картина назначения военным министром Моисеева, который в этой должности был считанные часы. А потом Ельцин по наущению Бурбулиса предложил маршала Шапошникова. Ему ставилось в заслугу, что он не разбомбил Белый дом, как того предписывал приказ путчистов.

И еще Борису Николаевичу страсть как понравилось все рушить, что когда-либо главенствовало в этой стране. Сейчас он имел зуб на КГБ. Нужно было поставить туда такого человека, чтобы он сумел погубить все то, ради чего трудились профессионалы из поколения в поколение. И таких людей нашли. Председателем КГБ стал Вадим Бакатин. А — отдельно — команду внешней разведки поручили Евгению Примакову.

Так Комитет государственной безопасности был разчленен для того, чтобы в дальнейшем кануть в лету.

Так формировался демократический клан. Некими ответными мерами Горбачев пытался было повлиять на формирование новой власти, но уже не мог, потому как установку на решимость у него вымыли из сознания ловкие «кидалы» из службы Оутса.

Теперь он дальше решил покорять своими трюковыми номерами. Ведь на разумном уровне почти все его действия кажутся нелогич-

Кулькин, Евгений Александрович
Мания [Текст]: трилогия. Т. 3. Мать, или Каторжный гимн. —
Волгоград, Издатель, 2017. — 336 с.

© ГБУК «Издатель», 2017
© Кулькин Е. А., 2017

ными. И никому и в голову не приходит, что это дипломатическая тактика, которую с удовольствием воспринимают только ему подобные. А политическая агония вокруг продолжается. И постыдную роль в этом занимает Горбачев. Ибо он уже не может пойти на открытый конфликт, потому балует мир разными абстрактными заявлениями типа того, что стоит провести Всесоюзный референдум, чтобы народ высказал свое отношение к той стране, в которой столько лет жил-поживал.

Другие же с пафосом требовали как можно скорее похерить Советский Союз, потому как он стал тормозом на пути к новой жизни.

Ну а раз не будет СССР, стало быть уйдет в небытие и его сиятельный президент, кстати, вместе со своей не менее набравшей политический вес супругой.

А сейчас в стране существует самый сложный режим управления. То, что повелевает Горбачев, тут же отменяет Ельцин.

Причем всем давно стало известно, что ни тот, ни другой не могут профессионально управлять экономикой.

Причем о том, чтобы сделать какую-то коррекцию экономического курса, речь совершенно не идет. А груз обязательств все продолжает тянуть в сторону так называемого социалистического лагеря. И самые сложные понятия, на которые в былые времена уповали только единицы, теперь топорно решаются всяким, кто объявит себя, на всякий случай, демократом.

Но демократические намерения — это еще далеко не сама демократия. Иной находчивый коллектив справляется со всякого рода трудностями без политического пристрастия. Ну какая, например, разница сталевару, демократы в стране орудуют или коммунисты. Главное, была бы работа да побольше зарплата. А все остальное — от лукавого.

Вот для интеллигенции, для разных там писак и борзописцев, для них сверхзапутанная ситуация как дополнительный приток таланта. Особенно если цель очевидна, а последовательные действия по ее достижению запутанны. И понимание всего этого, считают они, станет возможным только тогда, когда коллективная память наконец придет к выводу, что когда-то подобное было у давно исчезнувших народов, а некоторые важные аспекты долго потом еще озаряли те или иные одичавшие от исканий племена.

Но интеллигентам не в жилу резкость некоторых положений. Им очень хотелось, чтобы материалы разных жанров кончались их нравоучениями и предвидениями. И они сконцентрировали бы свою внушающую энергию на людях, понимающих ситуацию. Таким был, к примеру, тот же Горбачев. Он мог часами говорить ни о чем. Причем долгими часами так и нес, став социальным амортизатором между народом и властью.

Но глупость — это этап неизбежный. И не до той поры, пока помнеет народ, а гораздо дальше, когда с содержательной точки зрения все поймут, что не надо допускать по отношению друг к другу

неоправданно резких движений. В общем плане говоря, они должны не столько понимать друг друга, сколько строить обыкновенные экономические отношения. Принадлежность к другой когорте не приводит к сближению, а заставляет приспособливаться к обществу, которое не дает отклониться от общей проблемы.

Иной прекрасный разговор может кончиться ничем, а порой огневой спор рождает истину.

Сфера же публичной политики в интернациональном плане может проиграть только в одном случае, когда цикл действия выйдет из рыночного режима и сразу же утратит способность на экономические маневры.

А пока народ пробавляется частушками типа:

С путчем нынче стало туго,
Не шалили б дальше чтоб,
Смелый Пуго с перепугу
Пустил пулю себе в лоб.

А в основном с народом автоматический контакт: правители ему — ложь, а он в ответ — брехню.

2

«Пусть кому-то покажется разгулом пера, чем-то близкой к хмельной разухабистости; хочу им всем возразить: если что-то и пьянит меня сейчас, так это правда, о которой я пишу».

Он несколько раз перечитал эту фразу и прислушался к ветру, который то и дело обрушивался на дом, отбойно-громоздки, как шкаф, сверженный с крыши.

Вдали всплеснула фарами машина. Растя, свет расплывался, даже, кажется, гас. Но это просто зрение не могло его — объемно — вобрать в себя.

Вот отшатнулись двоящиеся столбы. И подробности, которые выхватывали фары, стали мельчать, пока не превратились в однотонность удаляющегося в улицу света.

На этот раз Куимов присмотрелся к самой ночи. Что-то неуловимо грубое жило в ней. Вот встрекотал сверчок, словно полувсплеснул музыкой дирижер.

На земле прошел первый матовый сон. И надвечная краска Млечного Пути пылила безразличием своего пребывания на небе. Под окном бились две ветлицы, словно изъяснялись на рыбьем языке.

Но днем это зналось совсем иначе. И в глазах шаловатой соседки, что сейчас наверняка спит, мглою играло потустороннее марево.

— Как можно от всего этого уйти? — вслух спросил Куимов. Спросил самого себя, хотя вопрос его, собственно, был адресован

другому. И этим другим был Николай Ляпин, на гроб которого он нынче кинул пригоршню земли.

Именно пригоршню.

Он хочет увидеть последние мгновенья его жизни и не может. Что-то затуманивает перспективу. Возможно, идейное предательство. Но это слишком емкая формула. Было что-то более мелкое. Как-то именно Коля рассказал случай осуждения в коллективизацию баб за то, что они пытались поднять восстание против Советской власти. А оказалось все проще. Они провели по хутору уполномоченного, требовали отдать назад добро, которое они по глупости сдали в колхоз.

Так и тут что-то было более незначительное, чем политические предпочтения. Ведь вон другие к разгону КПСС отнеслись совершенно спокойно. Даже швыряли свои партийные билеты.

Ляпин принес его домой, вместе с учетной карточкой завернул в целлофан, положил в «Капитал» Маркса, который, видимо, так и не прочитал, и...

Что он делал потом?

Этого никто не знает. Он был — всечеловечен, потому как уже принадлежал в ту пору вечности. И кокетливая вуалька будущего уже не привлекала его. И он показным примером смял перспективу того, чему надлежало случиться раньше судьбой отмеченного срока.

Куимов опять перечитал его последние строки. О какой правде он хотел поведать людям? Ежели о той, что партия как-то не так руководила народом, так об этом теперь прожужжат уши новоявленные демократы.

О чем он просил подозревавшего к себе глухонемого мальчишку — единственного свидетеля, как все произошло?

Он встретил его на подложке дома, в котором жил и, видели другие, попрятавшиеся на тот час ребяташки, что он ему, как им показалось, что-то передал.

Но немой отнекивался. И вообще не хочет, чтобы вспоминали этот кошмар.

Выйдя на крышу, Коля бросился вниз головой, пролетев мимо окна, за которым сидел и писал. Писал роман или что-то еще. Потому как рукописи обнаружить не удалось. Только вот этот один-единственный листок, на котором была начертана упомянутая фраза.

А Куимов у того окна, мимо которого он пролетел, свой роман написал. И тоже в надежде, что отобразил правду. Как хочется именно этим пофартить читателю. Ведь, действительно, он устал от лжи.

Зачем-то опять — на этот раз летуче — вспомнилась соседка. Ее лучевой разлет ног.

С нею он встретился на берегу Иловли. Она — вот так — как привиделась сейчас, стояла перед сидящими ребятами, которые созерцали

ее без особого трепета и удовольствия. Потому что первоначально были выдохшиеся из чувств выпивохи.

Она повернулась и пошла прочь. Пикникующие не обернулись, чтобы посмотреть ей вслед.

Куимов подошел к окну и стал всматриваться в соседский двор. И вдруг, сквозь мрак и метущийся переплеск ветвей, увидел одинокий огонек сигареты. Как укол, кольнул он его зрение.

Ведь соседка говорила, что не курит.

А ветер явно перерезвился. Потому как полудохло едва волочился по земле.

И Куимов задернул штору и зажег огонь.

Стихи уже шли. Сперва наколдовалась миниатюра:

Не чувствами сердце гордится,
Не тем, что страдает оно.
А тем, что, как жрица-жар-птица,
Лишь поймано в сказке оно...

А потом пошло как бы оправдательное, исповедальное:

Пошатнусь не для паденья,
Повернусь, чтоб не уйти.
Счастье — это привиденье,
Что маячит впереди.

Полошит тревогой душу,
Сердце мает небедой,
Чтобы я обет нарушил,
Данный мною и тобой.

Чтоб, смутившийся мгновенно,
От безумства замер вдруг.
Ощувив одновременно
Отрешенье и испуг.

Но шепчу я: «Все нормально!»
И спешу в благой уют,
Где сверчки на наковальне
Счастье хрупкое куют.

Где ты кажешься простушкой,
Верной спутницей судьбы.
Но сомненья под подушкой
Для меня растят шипы.

Отникнув от стихов, Куимов стал перелистывать те самые блокноты, которые когда-то видел у Ляпина в больнице. И вдруг закопошилась мысль. А что, ежели то, что он не написал, попробовать написать самому? В память о нем.

И от этого решения стало как-то покойнее. Потому как показалось, что именно во время работы с записнущками и придет к нему то видение, которое поможет увидеть последний день Николая и те мысли, которые завели его в тупик. И он назвал рукопись: «Наедине с тьмой».

3

Эхо выстрела живет недолго. Смерть — добытчик беспромашный. Леонид Кравчук опускает чуть приванивший рыльцем карабин. Секач корчится на земле.

Азарт на миг выбил у него из головы мысли, зачем он здесь, в Беловежье, где егери послушнее столичных шлюх. Что ему, собственно, нужно?

И только когда увидел кровь, понял. Она, пульсируя, изливалась из раны.

Завтра они втроем — Борис Ельцин, Станислав Шушкевич и он подпишут славянское соглашение, после которого рухнет Великая Россия. И он станет неподвластным, независимым, не... еще там каким?

Он идет, не разбирая дороги, егери смиренно несут сзади добытого им кабана.

Королевская охота!

Но будет еще царская! Он уверен. Потому как...

А что — потому?

Это все неясно, как в тумане. Но главное — сделать первый шаг. Тот самый, который, как утверждает какая-то песня, самый трудный.

И что это все время мысли крутятся вокруг цифры «три». Троица — раз, «Три тополя на Плющихе» — два, изображают обычно на троих — три. А сколько голов у Змея Горыныча? Неужели три?

Чуть поджигает левый сапог. Немного ноет спина. Но все образуется. С завтрашнего дня...

С дерева срывается филин. Ошалело шарахается из стороны в сторону. Потом прямит полет и уныривает в просеку.

Пахнет порушенной травой и раздавленными грибами.

Убитый им кабан точит кровью по его следу. И так будет всегда. Он впереди, а... неужели поводыри станут плестись сзади?

Где-то гулко прокатился выстрел.

Егери насторожились. Особенно тот, кто вывел Кравчука на кабана.

Карабин побрякивает за плечами.

А вот и машина. Добыча погружена. Можно ехать. Вечереет. Беловежская пуца тревожно засыпает. Потому как не знает об очевидном плане людей, слетевшихся в ее дебри, чтобы и дальше унести свою беспросветную дремучесть.

8

На каком периоде все начиналось, никто не знает. Но было у Ельцина три советника — Бурбулис, Шахрай и Козырев. Которые денно и ночью жужжали в уши, что надо скорее обезножить Горбачева, чтобы он далеко не ушел со своим уже всем надоевшим «заносом». Тогда не очень часто произносили слово «независимость». Хотелось, чтобы оно сперва вошло в пронос самого Бабая, как за глаза зовут среди них Ельцина.

И однажды, восстав от сна и — за ночь — погоняв по извилинам, как по рельсам, маневрушку своего соображения, сказал:

— Независимость, понимаешь!

И греко-римские борцы тут же кинулись проводить захваты, подсечки и суплексы.

Заварилась каша.

Как представителя степи подключили сюда Нурсултана Назарбаева. Только говорили с ним больше намеками. Потому тот до конца так и не понял, что такое «конструктивный диалог», на который натягивали свою вуаль греко-римляне. Хотя суть политики становилась ясна. Раз народ Советского Союза проголосовал за то, чтобы не рушить своего детища и кормильца, значит, надо — выщемить что-то иное, что наконец приведет к тому, чего так не хватает всем тем, кто изголодался от неразберихи и хаоса.

— Новая политическая система, — начал вдальбивать в голову президента России Бурбулис, — подтвердить реальное государственное участие в подготовке людей к рынку.

Шахрай вякнул что-то о технологическом отставании. На что обрек на стояк бровь президента.

— Не может быть в России никакого отставания, понимаешь!

— Мы обречены торговать друг с другом, — подъялдырил Козырев, таким образом сделав первый шаг к посту министра иностранных дел.

Но главное, все трое (Господи, и тут троица!) усекли, что ослаблений не будет. Потому немедленно включили информационный станок. Изжевечным голосом пошел подводить свои «Итоги» Евгений, дай Всевышний ему здоровья, Киселев.

А вариант Беловежья уже зрел. Как из прыщика выкоховывается роскошный чирый, так и он вышел из словесных обмолвок из всего хитростного и гнусного, пока не стал тем фактом, от которого, без преувеличения, ахнул весь мир, и раздались долгие, почти нескончаемые аплодисменты в ЦРУ.

— Наконец-то! — вырвалось там с облегчением и радостью.

Только под вечер в тот день, уже встретив Ельцина, Кравчук наконец узнал, что у Змея Горыныча было пять голов.

И высказал предложение позвонить еще кое-кому, в том числе и Назарбаеву.

9

Но Нурсултана Абишевича не нашли. А о кое-ком другом тут же забыли. И, покашиваясь на итоговый стол их встречи, приступили к империческим высказываниям, которые составляли основной срез работы этой встречи.

Но свобода выбора была ограничена, хоть и каждый принес всю боль в эту жизнь. Потому о законе защиты законов забыли. И при активном потворстве своих советников вышли на финишную прямую, которая вела в тупик.

Нет, настороженные слова проскакивали. Но их, как правило, побивали неосторожные, и все, хоть и на деловом уровне, но расстались так мило, словно еще раз побратались с забытой ими уже социалистической мечтой.

Договор получился причесанно-прилизанным, но, однако, в полном отчаянье повторяющий худшие опасения здравомыслящих людей.

Так эти трое примкнули к проекту всеобщего развала и хаоса.

И первым этот прокол ощутит тот же Кравчук и отнесет свое запоздалое мышление за счет того, что хохол в зад умен. Но исторически вопрос был уже исчерпан. И заработала старая, но опробованная технология обвинять друг друга в том, что в конечном счете случилось или произошло.

Но база действий была уже ограничена.

Однако ответ на все это дает следующий вопрос: «Кому все это было нужно?» Может, тем, кто громче всех аплодировал той глупости?

4

Это была поистине пастырская акция. Хотя говорились обыкновенные светские слова. Но каждый видел, что это приложение к жизни, которая исчерпала себя задолго до смерти.

Выдержав свою речь в библейском и литургическом духе, Михаил Сергеевич отрекался от престола.

Базовый текст был, конечно, выдержан в бодрых тонах. Но каждый видел, что это новый способ выражения своего неизбежного грустного падения.

В этой нелегкой обстановке он готов обозначить переориентацию, но не хочет этого, опасаясь каких-либо народных столкновений.

Речь его, как он думал, должна поменять к нему личное расположение. Потому как он публично демонстрирует сознательное неучастие в борьбе, которую еще есть смысл продолжать. И такой взгляд распространялся и креп. Ибо ни у кого другого, а у президента СССР на тот час был в руках тот самый ядерный чемоданчик, который ревностно пользовался безоговорочной репутацией.

Но в проявившихся было стремлениях шантаж не предусматривался. Жизнь поставила окончательные формулировки, и ему только оставалось произнести их вслух.

Но даже ежели бы в защиту Горбачева имело место террористическое нападение, это ничего не меняло. Народ, выразивший ему свое разочарование, понял, что он не очень популярен не только в своей стране, но и там, где его на словах, что называется, боготворят. И наигранная почтительность, с которой больше встречают Раису Максимовну, чем его, является испытанным светским ходом, прямо противоречащим закону хлебосольного радушия.

И было бы более чем странным, что он будет забыт, этот не лишенный полезности человек, который затеял перестройку, какая, в свою очередь, породила цепную реакцию раскрепощений духовных, физических, финансовых и прочих, потому-то и появился на свет Божий венчающий его деятельность документ, подписанный одиннадцатью президентами в день рождения Сталина 21 декабря 1991 года.

Вот этот документ.

«Учитывая деятельность М. С. Горбачева на посту Президента Союза ССР и в связи с прекращением существования Союза, Главы государств-членов Содружества Независимых Государств приняли следующее решение:

1. Установить М. С. Горбачеву пожизненную ежемесячную пенсию в размере последнего должностного оклада, выплачиваемую в порядке, определяемом законодательством РСФСР.

2. Предусмотреть пожизненное медицинское обеспечение М. С. Горбачева и членов семьи в порядке, определяемом Правительством РСФСР.

3. Выделить для личной охраны и обслуживания М. С. Горбачева 20 человек из числа сотрудников Главного управления охраны РСФСР.

4. Предоставить М. С. Горбачеву в пожизненное пользование государственную (РСФСР) дачу и закрепить за ним персональную автомашину марки ЗИЛ-115, а также автомашину ГАЗ-81 для хозяйственного обслуживания из автохозяйства Главного управления охраны РСФСР.

Принять к сведению, что решение этих вопросов берет на себя Правительство РСФСР».

Для памяти можно привести фамилии подписантов: А. Муталибов от Азербайджана, Л. Тер-Петросян от Армении, С. Шушкевич от Беларуси, Н. Назарбаев от Казахстана, А. Алиев от Кыргызстана, М. Снегур от Молдовы, Б. Ельцин от РСФСР, Р. Набиев от Таджикистана, С. Ниязов от Туркменистана, И. Каримов от Узбекистана и Л. Кравчук от Украины.

Так окончилась эра Горбачева. Так началось безумство Ельцина, которого ловкачи определенной масти еще долго будут дурить, пока

на крутом и прочном подъеме увидится тот самый краховый конец, к которому расшатанное общество пойдет с новыми революционными песнями.

5

Кто-то однажды спросил: «Как привить куст культуры? Ведь она — не вакцина». Но прежде надо узнать, как она определяется. И Раиса Максимовна, как зачинательница этой темы, сделала бы очень много, если бы...

А что, собственно, случилось? Ну муж ушел на пенсию — подумаешь, невидаль. Но барственная жизнь-то осталась. Ельцин хоть и боролся с привилегиями, а такое их множество выпулил даже своему заклятому врагу. А все почему? Да потому что понял, без Горбачева так и бабаял бы он в своем Свердловске, гоняясь за тенями царской семьи. Вон как он снес с лица земли Ипатьевский дом. Залюбуешься! А без родной Коммунистической партии не было бы Горбачева и иже с ним, которые потом перелицевались в демократов и даже монархистов. А не было бы земли русской, не завязалась бы там лихомань революции и не было бы столько трудностей и разочарований.

Примечательный обычай: ко всякому добру впристяжку обязательно зло увяжется.

Ну а следом грядут те самые рутинные вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?»

Раиса Максимовна холодными пальцами листает свою книжку. Говорят, рождения некстати не бывает. Но вот это ее детище явно запоздало. Оно как бы под упорным предлогом показало выбывание человека из жизни. Ведь как бы дела пошли славно, если Миша еще был президентом. Ее сделали бы настольной книгой и истовые работники, и красные помещики. А теперь она будет раскупаться только из-за любопытных соображений. Как компромиссный вариант.

Но главное — теперь остановится, если не замрет вовсе, завистливая народная молва. Это она во вред обществу все время возводит на своих вождей напраслину. И все ставит и ставит не совсем приятный вопрос: «Откуда приходят ошибки и заблуждения? Не плодит ли их барский достаток?»

Но реальность такова, что более достойное себе применение она уже пережила. И теперь осталось скромно докоротать свой век, чтобы однажды в какой-нибудь стране классической собственности не намекнули бы, что у них там стоит, их ожидаючи, усадьба, где можно крикнуть фразой так милой для крестьянина: «Земля моя, хоть с кашей съем!»

Тамошние порядки не допустят деградации земли. И все вспомнят, что удачные реформы тоже начинались с ошибок, а не с того, что приносили скорый доход. И главным вопросом бытия был земельный рынок.

Листает свою книгу Раиса Максимовна, мечтает. И, простите, плачет. О чем ее слезы? Это все можно прочесть в контексте темы. Когда вдруг сразу и до конца поймется, как трудно расставаться с фантазией. И со всем тем, к чему так привыкла изголодавшаяся по всему чопорному душа.

Обращаясь к читателю, она утверждала, что противница двойных стандартов, в чем бы они не проявлялись.

Возразить бы ей, да уже недосуг. Другие события подпирают под глотку. О них надо кричать. Чтобы кто-то менее наивный, но более честный сказал бы, что отстранение от престола еще не смерть...

6

Пыхтя чревесами, прошла старая, во многих местах латаная маневрушка. Слоистые, а скорее, сквозистые облака чуть подзащищали высокое, но мерклое солнце.

Человек обходил опасливые тропинки с мозолями, выделенными на фоне их корней. Он приближался к вычурному дворцу, что стоял на высокой недоступи.

Сосна взбегала и не могла достичь того места, откуда у людей начинает кружиться голова. Высота словно отсасывала ее назад, а путника, наоборот, выпячивала на каменность, на гладкопись, за которой шла шершавая низинными лесами бездна.

У подножья горы машины, дразнясь миганием, солидно входили в поворот.

Путник взбирался все выше и выше, и сухожилия лопин пластовались у ног.

И вот ему открылся фронтон дворца, и он в полудремоте побормотал:

— Мой Боже! Какое великолепие!

Он поднял голову выше и прочел слева от массивного входа: «Психиатр Жан-Марк Бейли». Справа же стояла такая фраза: «Да останься живой во времени, моя христианская тайна!»

Человек повернулся и пошел обратно.

Этим странником был не кто иной, как Дэвид Оутс, который приходил взглянуть на дворец, построенный в его долгое отсутствие. Ему рано еще становиться тем, кем он есть на самом деле, и поздно раскаиваться в том, что сумел натворить в далекой, но так не чуждой ему России.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Скопцову стало казаться, что он вот этот дневник, который назвал «Сто дней в такси», вел всегда. Так и хотелось ему нырнуть в какие-либо воспоминания, чтобы ими оживить повествования. Но правила жанра не позволяли. Надо нажимать на сиюминутность.

И еще одно его стало забавлять. Он привык перечитывать то, что было написано ранее, и находил, что проза получалась приличной.

Не преминем же и мы заглянуть в эту его рукопись.

* * *

Этот мой седок, видимо, не расстается с чтивом ни на минуту. И когда я его об этом спросил, засмеялся.

— А вы знаете, я даже в туалете читаю. Только больше то, что невозможно читать в другой обстановке.

Я не стал уточнять, что именно, боясь, как бы он не назвал одну из книг моих друзей. Тут бы я не удержался, чтобы не поспорить.

— Привык, — тем временем продолжил он, — хватать информацию, где только она есть, и уже не могу остановиться.

И он опять увлекся какой-то заметкой.

И когда мне уже показалось, что ничего интересного он мне больше не сообщит, как седок, осторожно свернув газету и сунув ее в карман, проговорил:

— Вот это, еще до перестройки, встретил я как-то в поезде немца, который на каком-то из наших знатных заводов работал. Ну, естественно, на нашем — русском, значит. Разговорились. И когда бутылка, которую мы опорожнили, показала донышко, он неожиданно признался: «Удивительная страна Россия: все воруют, всё воруют и — всё есть».

— Сейчас бы его сюда! — воскликнул я.

— Вот именно! Только я, — сказал он на задумчивости, — не верю, что у нас все разворовано.

— А куда же оно делось?

— Как печально шутит мой друг врач, когда его спрашивают, правильно ли лечит своего пациента: «Вскрытие покажет».

И он не стал уточнять, что имел под этим ехидноватым понятием.

* * *

Нервный. С беспокойно играющими губами.

— Все беды, которые на нас свалились, — от жидов. Это они развалили страну, развратили наш народ.

— Каким образом?

— Да самым простым. Погляди, кто революцию сочинил, — евреи. А потом стали почти каждому видному человеку в жены жидовок подсовывать. У них целый инкубатор невест. Да и вообще Голда Мейер как-то сказала: «С нас все началось, нами кончится». Чувствуешь, на что намекает? Значит, и третью мировую войну, на этот раз ядерную, они затеют.

— Не много ли ты им понавесил?

— Какой там! Ведь они парализовали всю культуру, опутали своим кланом экономику. И в мафии сейчас — тоже они.

Он, наскоро закурив, задохнулся дымом и, прокашлявшись, продолжил:

— Недаром Адоша их преследовал.

— Кто это такой?

— Гитлер.

— Да, он их не любил.

— Так вот, послушай, что он в «Майн Кампф» писал: «Бойтесь оевреивания наций. Персы тоже были когда-то великой нацией, а теперь прозябают в жалком качестве армян».

— Ну тут уж совсем непонятно, — остановил я его цитату. — При чем тут персы и армяне? Да и евреи тоже?

— Значит, ты ихний! — заключает он. — Но ничего, коли не так, скоро ты о них свое мнение изменишь.

— Почему?

— Мы откроем вам глаза.

Он не уточнил, кто «мы», да я особо не дотошничал. А сидевший рядом с ним подсадок, после того как нервный вышел, грустновато продекламировал:

Если в кране нет воды,
Воду выпили жиды.
Если в кране есть вода,
Значит, жид нассал туда.

Он попридержал разгулявшиеся было ноздри своего вислого носа и добавил:

— Этот явно из «Памяти». Оголтелость уж больно выпирающая. А нам, если честно, без евреев не обойтись. Я был одним руководителем. Ну пришел в контору и первым делом новой метлой прошелся по штатам. Работало там несколько евреек в службе. Я их потихоньку поуволит. Набрал русских. Ну бабы как бабы. Кажется, даже и внешностью почти одинаковые и причуды у них общие. Но уже через месяц они мне так все позапутали, что я чуть не рехнулся. А у тех — с теми же чаями-кофиями все в аккурате было.

— Ну и что? — вклинился я с вопросом.

— Пришлось всех вернуть на прежнее место. И вот теперь скажи, подсунули мне их или нет?

У него запершило в горле, и он прокашлялся в кулак.

— И жена у меня, кстати, тоже еврейка.

* * *

Везу пожилого потомка донских казаков. И едет он со сборища, которое проходило в помещении бывшего райкома партии на Самарском разъезде.

— Не выдержала моя душа там больше находиться, — сказал он.

— Почему же?

— Потому что там половина подставных аукальщиков.

— Каких именно?

— Ну тех, которые и Свердлова, и Троцкого в казачьих вопросах оправдывают. Один даже кричал, что сами станичники виноваты, что их начали чуть ли не поголовно истреблять. И это в пору, когда они, собственно говоря, гражданскую войну выиграли.

Он неожиданно умолк, потом, махнув рукой, сказал:

— Да и теперешние казачки, которых мы в руководство понавывирали, тоже хороши. Находятся в здании власти и клянут эту власть. Вертелось у меня желание рассказать им байку, которую когда-то слышал от деда.

— Что за байка?

— Приходят к мужику двое — казак и еврей — и просят переночевать. Ну мужик, как это было раньше заведено, безо всякого якова принимает. Казак постелил себе на полу шинель, одну полу под бок пустил, а другой укрылся. А еврею хозяева койку свою уступили. Спит себе казак, посапывает. А еврей до утра уминал все, чем богат был мужик, и доказывал, что тот не так живет, как надобно, не то сеет, не по правилам жнет. Утром, когда собрались уходить, казак низко поклонился хозяевам: «Спасибо за приют!» — сказал. А еврей тем временем под порогом у хозяев кучу навалял, так как за катух ему пойти было лень. Говорит казак: «Кто же так за добро платит?» А еврей ему в ответ: «Так нам с ними все равно больше не встречаться».

Он помолчал и повел свою молвь дальше:

— Вот и наши атаманы сейчас ведут себя так, словно им больше ни с кем из тех, кто много лет руководил нами, не встречаться. А ведь казаки, как мне думается, не должны лезть в политические склоки. Надо возродить дух, спасти язык, не дать умереть культуре, наконец сохранить, пока они совсем не канули в бытие, традиции. А то от всех наших кругов и сходов пахнет той митинговщиной, которая, как мы теперь уверились, повыносила на гребень неизвестности далеко не тех, кого следовало бы.

Он минуты две молчал, потом признался:

— А ведь я внук двух атаманов. Мой дед по отцу в станице Староаннинской был главным, а по матери — в хуторе Будылки атаманствовал целых четыре срока. Бравые были казаки. Тот, чью фамилию я ношу, в семьдесят два года на джигитовке первые призы брал.

В его глазах переметнулись какие-то сполохи, и он неожиданно признался:

— Знаешь, к лошадям хочу. Вот создали бы у нас что-либо такое, и без денег бы за ними ходил.

А я про себя подумал: «Вот он, истинный казак. А его к политичке приторачивают. Нет, дайте казакам пожить без противостояния. И тогда они покажут, на что способны».

* * *

По радио дает интервью немец, на машине путешествующий по нашей стране. И журналист явно вымогает из него что-то этакое, чтобы могло стать гвоздем эфира. Но тот на все вопросы отвечает с пространной расплывчатостью, словно прошел у нас курс политграмоты.

Но вот журналист, видимо в заключение интервью, спрашивает:

— А что вас больше всего удивило?

Ну я, естественно, думал, что он сейчас скажет о дорогах. Ведь стыд головушки: недавно на нашей трассе Волгоград — Москва гробонулся, попав в колдобину на асфальте, какой-то государственственный человек, чуть ли не министр. Но немец неожиданно сказал:

— Меня, во-первых, удивили ваши водители и пешеходы. Кажется, каждый шофер сел за руль затем, чтобы совершить аварию или наезд, а каждый пешеход вышел на дорогу, чтобы непременно попасть под колеса транспорта.

Что ж, очень верно подмечено. Но о дорогах он зря не сказал. Кто-то мне говорил, что за границей не то колдобину, лопины на асфальте не увидишь. А у нас дороги, как после Сталинградской битвы, все поклеваны, словно снарядами по ним стреляли. А про тот участок, что сходит с Дар-горы в город, один таксист мне рассказывал, японская делегация посчитала за полотно испытательного полигона.

А меня один африканец спросил: «Сколько вам доплачивает муниципалитет, что вы ездите по таким дорогам?»

Я усмехнулся, но ничего не ответил, притворившись, что не понял его вопроса. Мне было стыдно признаться, что еще втридорога лупят за то, что я езжу по дорогам, где не только гроблю машину, но и в любой момент могу смешать себе печенку с селезенкой.

* * *

Везу философа.

— Хорошо, что есть на свете смерть, — говорит он.

Безмолвно вопрошаю: «Почему же?»

Объясняет:

— Она не дает закорузнуть душой. В сухой сучок превратиться. Ведь жизненный опыт, помноженный на лень, который ее порождает, лишает любопытства. Ведь нового, увы, я уже ничего не узнаю. Вон, — он машет в сторону, — собрался народ, видно, кого-то сбила машина, а мне лень повернуть голову. Ну что прибавится, если я еще один труп увижу?

Не возражаю, хотя в его философии больше демагогии, нежели обыкновенного умоискания. Да Бог с ним.

А он продолжает:

— Телевизор — вот настоящий убийца. Поскольку он нас напичкивает большими впечатлениями, что всякий интерес не только к событиям, но и к жизни пропадает.

Пытаюсь мысленно затесать свои впечатления в рамки его суждений. Получается что-то уродливое. Наверно, я не рожден, чтобы философски осмыслить все то, что меня окружает и сокрушает.

* * *

Этот, что называется, вламывается в салон, обжигает ухо с заднего сиденья:

— побыстрее куда-нибудь.

Я уже привык к таким седокам, потому медленно включаю скорость. Качу.

— Решил с нынешнего дня, — сказал седок, — ходить пешком.

— Ну и что же помешало?

— Не что, а кто. Пешеходы. Понимаешь, с ними невозможно разминуться. Каждый норовит сшибить тебя с ног.

Он посидел с минуту без движения, потом заворочался вновь и, естественно, заговорил:

— А я понял! — вскричал. — У них один план, как единственная извилина, переходящая в прямую кишку. Они же меня попросту не видят. Я для них — пустое место.

Он промурлыкал какую-то песенку, потом произнес:

— Вот что такое культура. За границей тебя сроду никто не толкнет. Потому как каждый думает не только о себе, но и о тех, кто рядом.

Седок тихо дотронулся до моего плеча:

— Останови! Раз меня осенило, чего дальше ехать. Пойду лавировать.

* * *

Опять садится на заднее сиденье. Гляжу в зеркальце обратного вида. Чего только не намешано на его лице — сплошная Евразия с Ближним Востоком в придачу.

Ловлю его дубоватую улыбку. Сейчас заговорит.

Так и есть:

— Что только не делает мужской горячник с бабами. Одни в разные цвета красятся, другие до пупка заголяются, третьи одежду разную заморскую напяливают. А зачем? Да все затем, чтобы понравиться, произвести впечатление и в конечном счете оказаться на том самом «горячнике». А мы, дураки, мечтаем о какой-то любви и прочем там душевном проявлении. Откуда он у них? Сплошные самки. Сучки, пришедшие разом в охоту. Тьфу!

Он колупнул меня скрюченными пальцами.

— Останови! Смотреть тошно!

* * *

Происшествие на заправке.

К одиноко стоящей колонке, из которой когда-то, уже забыли когда, текло и капало, подкатывает черная «волга». За рулем усатый, зело раскормленный кавказец.

Он деловито отмотал заведенный вокруг колонки шланг, который, собственно, и давал понять, что бензина нету, воткнул пистолет в горловину бака и двинулся не к окошечку, возле которого чахли мы, грешные, и через какую заправщица высасывает из всех страждущих механического движения наличность, а прямо к ней, в святая святых — в чрево беззаправочного царства.

О чем он там говорил, нам ведомо не было. Но вышел из бендежки возмущенным, стал скидывать вверх руки, клясть власть верховную и чуть ниже, бубнить, что в цивилизованном мире за подобные штучки если по головке гладят, то только против шерсти.

На этом запале он и сел в свою «волгу» и поехал, забыв вытащить из горловины своего бака заправочный пистолет. В сердцах газанув, он вырвал шланг, который и пошел хвостом мотыляться следом за ним.

Тут выскочила заправщица.

— Догоните его! — завопила.

Но как догонишь, когда мы без бензина.

Однако в ней произошел какой-то слом, сдвиг, как говорится, по фазе, потому как она подошла к другой колонке с девяносто третьим и, развернув шланг, сказала:

— Заправляйтесь!

У меня, правда, вертелся на языке вопрос: откуда же, мол, бензин-то взялся, ежели его несколько минут назад и в помине не было? Но я промолчал, потому как перспектива и дальше стоять с пустым баком не прельщала.

* * *

Перечитывая свои вирши, Виктор Николаевич открывал, что при этом имел распутившееся, как от выпитости, лицо. Куда-то в иной мир его творчество уводило. И — приходило успокоение. Хотя дома все продолжалось одно и то же. Жена завидовала соседке, муж которой свозил ее на Канары. «Ведь никто по образу и подобию!» — повторяла она где-то подхваченную фразу. А дочь изнуряла нытьем, что у нее нет таких нарядов, как у ее одноклассницы Руфи.

Но все это как бы проходило мимо него. Он был — там, то на улицах и трассе, то — за столом. И бессонность, на которую он себя обрек, ничуть не утомляла.

2

С тех пор как Аверьян Максимович Курепин был переведен из Светлого в уголовный розыск областного управления, он забыл, когда по-настоящему спал. Ибо разбой, убийства, разного рода кражи шли одно за другим. И эта масштабность угнетала.

Поскольку семья еще была в Светлом, он иногда вырывался туда на час или два и там вдруг открывал, что уже пришла весна, оглушенная пафосом грачей. Иногда их победоносный воплевый карк пытались пересвистеть скворцы, как бы давая понять о своей причастности к этому безумолочному действию. Но, ликуя, грачи не давали посторонним звукам главенствовать в чаще. Они были основной приметой весны.

Аверьян видел, что сынишка уже обгорел на солнце и начинала шелушиться яичная скорлупа его щек.

Луг же, возле которого он как-то случайно оказался, как всегда, расцветивался медленно, с паузами. Сперва выходили из почвы желтоцветы. И потом только появлялась другая яркость.

А лес, кажется, оживленный птичьим гомоном, стремился залучить себе гостя.

Но уйти в его серые дебри не удалось — и тут нашли.

— Товарищ полковник! — откозырнул ему сержант. — В лесопосадке машина горит.

Он как бы покидает забалдевший от весенних запахов полдень и погружается в какое-то новое время суток, когда не замечаются ни восходы, ни закаты, ни ночная тьма, ни луна, ни солнце.

Курепин приехал в указанное сержантом место, когда пожарные уже залили огонь.

Новый начмил Ульбеков и начальник угро Озолов уже примеряли свои знания к тому, что произошло.

— Труп внутри машины есть? — спросил Курепин.

— В том-то и загвоздка, — ответил начальник милиции. — В салоне пусто.

— А в багажнике?

— Еще не открывали, — солидно ответил Артем Илларионович Озолов, кого Аверьян Максимович помнит парнишкой, приехавшим сюда на первую практику.

Гарь удушающе ела глаза и заползала в горло.

Неожиданно возле лесопосадки оказалась Радмила Пичакчи. С такой странной фамилией она уже несколько лет библиотекарела в Светлом. И отличалась от многих девок поселка, что имела свою собственную машину.

Говорили, что она переехала в Волгоград, и теперь тут, видимо, как и Курепин, гостевала.

В городе изменился ее колер — она попестрела.

— Кто это сделал? — сдавленно спросила она.

— Это ваша машина? — догадался Ефим Тимофеевич Ульбеков.

— Да! — ответила Радмила. — Я оставила ее у библиотеки...

Тем временем Аверьян Максимович раскрыл закипевший по краям багажник и увидел в нем скрюченный труп.

— Что это? — закричала Радмила.

Ей никто не ответил,

— Что же вы молчите? — вдруг вырвалось у нее. — Как он сюда попал?

— Вот это и надлежит узнать у вас, — несколько холодновато произнес Курепин, и она закричала, брызжа слезами. Потом, сорвавшись, кинулась в сторону поселка.

Ее никто не задерживал.

Как бы рассуждая вслух, Аверьян Максимович спросил:

— Почему же не взорвался бак?

— Наверно, потому что был полон, — ответил Ульбеков, ногой за-таптывая какие-то еще чадящие тряпки.

— А может, — высказал предположение пожарный, — мы вовремя оказались рядом.

Пожарку действительно никто не вызывал. Машина возвращалась с учебного выезда, и водитель увидел пылающую «шестерку».

Курепина, если честно, угнетало, что все преступления, которые были связаны с убийством, всегда с самого начала таят в себе какую-то безнадегу их расследования. Так было, когда оказалась убита Алевтина Мяжникова, да и Матрена Криклякова убралась в иной